

Шервуд Владимир Осипович

**Живопись, скульптура,
архитектура и орнаментика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
В57

В57 **Владимир Осипович Ш.**
Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика / Шервуд Владимир Осипович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 239 с.

ISBN 978-5-521-31006-7

ISBN 978-5-521-31006-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЗАКОНОВЪ ИСКУССТВА.

Живопись скульптура, архитектура и орнаментика.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Все безконечное разнообразіе явленій міра съ ихъ правильными смѣнами, чудной гармоніей и красотой — создано на основаніи самыхъ точныхъ законовъ высшаго разума. Геніи науки, углубляясь въ вѣчныя тайны мірозданія, постоянно открываютъ эти великіе законы, которые даютъ возможность человѣку проявлять во внѣшности свои духовныя силы. Но почему же въ области пластическихъ искусствъ такъ мало выяснено точныхъ и опредѣленныхъ законовъ? Неужели великіе художники никогда не дѣлали такихъ открытій, или они, быть можетъ, необходимы и даже бесполезны? Но, во-первыхъ, всѣ геніальные представители искусства въ своихъ произведеніяхъ всегда проявляли какую-либо новую сторону красоты, такъ Рафаэль внесъ въ искусство самое тонкое пониманіе граціи, красоты линій, формъ и композицій; Микель-Анджело показалъ возможность изображенія движенія, жизни и истинно-грандіознаго въ пластическихъ искусствахъ; Рембрандтъ открылъ поэзію свѣто-тѣни; Поль-Веронезъ, Тиціанъ, Рубенсъ и другіе разрабатывали разныя стороны гармоніи и блеска колорита. Всѣ эти открытія сдѣланы достойнымъ искусства и предметомъ постояннаго изученія. — Но чтобы сознательно воспользоваться ими, слѣдуетъ отдѣлать въ произведеніяхъ великихъ художниковъ все случай-

ное и индивидуальное и ясно формулировать вѣчныя условія красоты, составляющія особенность ихъ генія.

Эти драгоценныя вклады въ сокровищницу знанія не только не мѣшаютъ самобытному творчеству, но придаютъ ему силу и облегчаютъ процессъ его. Они непохожи на тѣ рецепты, которые прописывались для воспроизведенія шаблонныхъ композицій; нѣтъ, это формулы вѣчныхъ истинъ, сокрытыхъ въ глубинѣ человеческого духа, стремящагося воплотить въ мѣрѣ любовь, правду и прекрасное. Основаніемъ ихъ служить или требованіе разума или физиологическій строй и изученіе природы; поэтому онѣ обязательны для истиннаго искусства, такъ какъ только знаніе даетъ намъ самостоятельность и свободу и устраняетъ всякое случайное, субъективное вліяніе. Подражаніе великимъ мастерамъ въ педагогическомъ отношеніи можетъ быть весьма полезно, какъ сознательное изученіе ихъ;—но постоянное обезьянство ничего общаго съ творчествомъ не имѣетъ; такая поддѣлка не можетъ быть искренна: невозможно вдохновляться тѣми же чувствами, которыя одушевляли, напр., Рафаэля въ данный историческій моментъ; но знать законы красоты, открытые имъ, такъ же необходимо для художника, какъ знаніе математики для механика; только они и могутъ гарантировать истинное пониманіе искусства. Великіе художники всегда жаждали знанія и не боялись утратить свою самобытность. Такъ Рафаэль понималъ законы движенія фигуръ, выясненные Микель-Анджело; они придали его композиціи необычайную силу, но тѣмъ не менѣе онъ остался исполнѣ самостоятельнымъ. Еще въ недавнее время извѣстный французскій художникъ, Доре, ясно понималъ и воспользовался законами свѣто-тѣни, разработанными Рембрандтомъ,—и, несмотря на тождество пріемовъ въ освѣщеніи, онъ нисколько не похожъ на Рембрандта.

Но возможны-ли общіе законы прекраснаго въ области высшаго духовнаго настроенія, выражающагося въ искусствѣ? Кому не приходилось быть свидѣтелемъ игры великихъ актеровъ, неподдѣльных чувства которыхъ вызывали у всѣхъ невольныя слезы? Бывали случаи, когда нѣкоторые шли въ театръ съ тѣмъ, чтобы доказать свою твердость и не плакать, но, увлеченные искреннимъ чувствомъ и игрой артиста, невольно роняли слезы ¹. Сколько разъ случалось замѣчать, что при чтеніи литературнаго произ-

¹ Такое впечатлѣніе производила игра извѣстнаго трагика Мочалова.

веденія одни и тѣ же мѣста вызывали у всѣхъ восторгъ и возбуждали искреннее сочувствіе.

Все это доказываетъ, что существуютъ такія идеи и такое художественное выраженіе, которыя неотразимо дѣйствуютъ на всѣхъ, поэтому они доступны изслѣдованію и уясненію того, что именно въ нихъ такъ дорого человѣчеству, и по какимъ законамъ сна духа, мысли и чувства проявляется въ искусствѣ.

Что же касается до существованія точныхъ законовъ внѣшней красоты, то въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Цейзингъ взялъ всѣмъ извѣстную геометрическую формулу, опредѣляющую точную и безусловную пропорцію, и провѣрилъ ее въ природѣ и въ гениальныхъ произведеніяхъ великихъ художниковъ. Труды Цейзинга безповоротнo доказываютъ, что красота пропорцій составляетъ законъ природы и обязательное требованіе нашего духа, проявляемое во вдохновенныхъ произведеніяхъ искусства; онъ назвалъ эту формулу закономъ золотого сѣченія.

Сама природа ежеминутно напоминаетъ намъ о законахъ красоты: какіе чудные узоры рисуетъ на стеклахъ нашъ лютый морозъ! Несмотря на безконечное разнообразіе, композиція ихъ подчинена безусловно точнымъ законамъ красоты; въ нихъ всегда видна и цѣльность мотива, плавность и постепенность, отсутствіе симметріи; всѣ пятна и формы разставлены и разнообразно и съ полнымъ соблюденіемъ закона широты. Посмотрите на дивныя, вѣчно измѣняющіяся облака:—расположеніе ихъ вызываютъ совершенно другія причины, чѣмъ морозный узоръ, но красота также точно служитъ основой ихъ формъ и сочетаній.

Въ настоящее время въ искусствѣ замѣтно весьма опредѣленное стремленіе освободиться отъ всего условнаго, навѣяннаго односторонними вкусами и прихотью моды; художники стараются выразить въ своихъ произведеніяхъ не только идеалы и типы, но и индивидуальную характеристику, которая придаетъ жизненность искусству. Такое направленіе совершенно справедливо и необходимо; оно можетъ принести большую пользу, если не будетъ односторонне и не увлечетъ въ крайность.

Наблюденіе надъ природой и изученіе ея всегда обусловливало подъемъ искусства; такъ въ Греціи остолбенѣлыя архаическія статуи постепенно принимали жизненный видъ, а равно и во времена Ренессанса изученіе природы дало возможность создать истинно великія произведенія. Но между случайной, принятой условностью, и законами явленій жизни нѣтъ ничего об-

шаго. Жизненная правда и не может иначе выразиться, какъ въ красотѣ; она не есть нѣчто неестественное, а, напротивъ, единственное истинное и нормальное состояніе явленій жизни; всякое безобразіе уже есть отступленіе отъ нормы, а красота—это вѣчный законъ міра; она разлита въ немъ Творцомъ, чтобы исполнить духъ нашъ чистыми восторгами; она есть предвѣстникъ и воспитатель въ человѣчествѣ высочайшей красоты, которая неизбѣжно будетъ составлять содержаніе нашего духа и безконечное счастье будущей вѣчной жизни.

Истинный художникъ, силою таланта въ своихъ произведеніяхъ долженъ уяснять и раскрывать эти чудные законы красоты, и тѣмъ вызывать въ человѣчествѣ благоговѣйное прославленіе Творца.

Минуютъ вѣка одни за другими, проходятъ народы съ ихъ борьбой и жаждой внѣшняго счастья, и все это тонетъ въ глубинахъ временъ, но только духовная жизнь, высшее сознаніе и идеалы народа, воплощенные искусствомъ, остаются вѣчными свидѣтелями его величія. Какъ же не желать, чтобы и народъ русскій, носящій въ душѣ высокіе идеалы, не запечатлѣлъ ихъ въ монументальномъ искусствѣ, свидѣтельствующемъ человѣчеству о его истинно-нравственныхъ принципахъ?

Вотъ почему мы всю жизнь искали тѣхъ условій, которыя могли бы облегчить истинное пониманіе значенія искусства. Долголѣтняя практика показала намъ безусловную пользу такого изученія вѣчныхъ законовъ искусства, поэтому мы не считали себя въ правѣ наши скромныя знанія унести въ могилу.

Мы очень хорошо знаемъ, что наши идеи нисколько не гармонизируютъ съ господствующимъ нынѣ, хотя уже старѣющимся, аналитическимъ періодомъ, который по самому характеру своему есть періодъ критики и разложенія; но "близокъ его конецъ, — уже блещетъ заря новаго свѣтлаго дня, великаго синтеза, который подыметъ упавшій духъ человѣчества и вызоветъ истинное творчество, въ которомъ сольются во всей полнотѣ и гармоніи любовь, правда и красота.

I.

Вступленіе.

Виродженіе послѣдняго полустолѣтія представители европейскаго искусства неоднократно измѣняли свое направленіе: классицизмъ ¹ смѣнялся романтизмомъ, который, въ свою очередь, уступалъ мѣсто реализму; представители каждаго новаго направленія вмѣстѣ съ тѣмъ были яростными отрицателями предшествовавшего. Эта борьба, несмотря на преобладаніе господствующаго въ настоящее время реализма, еще продолжается до сихъ поръ, и каждое направленіе имѣетъ хотя немногихъ, но искреннихъ представителей и достойныхъ защитниковъ. Безысходная борьба эта и крайняя неопредѣленность воззрѣнія на искусство, безъ сомнѣнія, не могутъ содѣйствовать правильному изученію и пониманію его,—и невольно рождается вопросъ, неотступно требующій рѣшенія;—кто правъ? или лучше сказать, существуютъ-ли неопровержимыя положенія, на основаніи которыхъ можно правильно судить объ искусствѣ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо доказать существованіе такого цѣльнаго міровоззрѣнія, которое было бы безусловно, и единственно вѣрно и обязательно.

Неужели человѣчество осуждено на вѣчное шатаніе,—на вѣчное исканіе основныхъ началъ, которыя могли бы быть ему опорой?—неужели неизбежны эти вѣчныя ошибки и вѣчныя страданія?!

Нѣтъ! стоить только человѣку углубиться въ самого себя,—и въ существѣ своемъ, какъ въ высшемъ, цѣльномъ и стройномъ созданіи, онъ найдетъ тѣ основы, которыя могутъ служить твердою почвой единаго истиннаго міровоззрѣнія. Каждый день человѣкъ переживаетъ самыя разнообразныя ощущенія: то онъ любитъ, то ненавидитъ, то горюетъ, то радуется, испытываетъ восторгъ или уныніе, слышитъ грозный голосъ совѣсти и невольно благоговѣетъ передъ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ; все это

¹ Говоря о классицизмѣ, мы не подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ искусство Грековъ, но извѣстное направленіе въ искусствѣ, существовавшее въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

относится къ области его *внутренней* духовной жизни. Затѣмъ, каждый человѣкъ ежедневно разсчитываетъ, старается уяснить себѣ явленія, понять ихъ послѣдовательность и зависимость,—словомъ, *разсуждаетъ*;—это процессъ его *формальнаго разума*. Въ свою очередь, при посредствѣ органовъ чувствъ мы получаемъ ежеминутно впечатлѣнія отъ вѣшняго міра,—это сторона *матеріальная или реальная*.

Помимо этихъ трехъ сторонъ нашей жизни ничего въ человѣческомъ существѣ нѣтъ и, въ свою очередь, отсутствіе хотя одной изъ нихъ въ здоровомъ и нормальномъ человѣкѣ рѣшительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, знаетъ-ли кто человѣка, который бы не радовался, не горевалъ, не любилъ; словомъ,—не переживалъ бы чувствъ, составляющихъ содержаніе нашего внутреннего міра,—или человѣка (конечно, если онъ не сумасшедшій), не разсуждающаго и не разсчитывающаго; или, наконецъ, можетъ-ли человѣкъ, имѣя здоровый организмъ, не видѣть, не слышать, не осязать и проч.?

Въ свою очередь рѣшительно невозможно къ этимъ тремъ сторонамъ жизни прибавить еще какое-нибудь состояніе человѣка, которое бы не заключалось въ нихъ.

Итакъ, если эти три стороны составляютъ всю полноту и совершенно необходимы въ нормальномъ человѣкѣ, то и относиться правильно и обсуждать явленія жизни человѣческой невозможно, не принимая ихъ въ расчетъ, а, слѣдовательно, и міровоззрѣніе наше, какъ обнимающее всѣ стороны жизни и разнообразныя отношенія наши къ міру, должно имѣть ту же полноту; отсюда ясно, насколько правильна, основательна и обязательна такая полнота міровоззрѣнія, и поэтому всякая попытка строить міровоззрѣнія на одной или двухъ изъ выше сказанныхъ сторонъ будетъ односторонностью, неизбежно влекущею за собой крайность, которая, развиваясь по неумолимымъ законамъ логики, можетъ дойти до невозможнаго абсурда. Несомнѣнно, что въ строеніи человѣка иногда преобладаетъ та или другая сторона и даже охватываетъ все его существо; но такое состояніе бываетъ временное и представляетъ частное явленіе общаго процесса жизни и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основой дѣльнаго міровоззрѣнія, которая покоится только на совокупности всѣхъ трехъ сторонъ нашего существа, то-есть, стороны *духовной* или *идеальной*, *логической* или *формальной* и *матеріаль-*

ной или реальной. ¹ Все тѣ направленія въ искусствѣ, которыя послѣдовательно смѣняли одно другое, характеризовались преобладаніемъ одного изъ трехъ упомянутыхъ свойствъ нашего существа. а, слѣдовательно, неизбежно были односторонни и не имѣли полноты, присущей цѣльному строю нашего существа;—вотъ истинная причина ихъ непостоянства и недолговѣчности: напротивъ, въ тѣ моменты исторической жизни, въ которыхъ въ большей полнотѣ гармонировались идеальныя, формальныя и реальныя стороны, искусство создало великіе вѣчные образы неуядаемой красоты.

Доказывая несостоятельность односторонности въ искусствѣ и вообще въ развитіи человѣчества, мы не можемъ не признать величественнаго шествія исторіи по пути въ самосовершенствованію; это были неизбежныя ступени, по которымъ она постепенно возвышалась, и ни одного камня нельзя отнять, чтобы не разрушить цѣльности всего пути.

Что же пройдено человѣчествомъ, и куда сознательно оно должно направить путь свой? -- Несомнѣнно, что подъемы эти постепенны, трудно и даже невозможно положить ясный предѣлъ каждому изъ нихъ,—но тѣмъ не менѣе возможно уяснить себѣ, что принесетъ человѣчеству каждый шагъ впередъ, то-есть, говоря иначе, какія стороны жизни разработаны и какія еще ждутъ великихъ дѣятелей.

Начиная съ глубокой древности и до настоящаго времени выдающимися дѣятелями мысли много разъяснено и разработано законовъ формальнаго разума; въ свою очередь современная наука обогатила знаніе многими открытіями законовъ явленій жизни матеріальной, но, къ сожалѣнію, нельзя указать на значительные успѣхи въ разработкѣ внутренняго міра человѣка, то-есть, его духовной стороны, и это понятно, потому что современное исключительно-матеріальное направленіе силится доказать, что явленія духа есть не болѣе, какъ результатъ явленій матеріальныхъ. Это странное мнѣніе вытекаетъ изъ крайне нелогичнаго и совершенно нецѣлесообразнаго метода изслѣдованія. Кому бы не показалось явною нелѣпостью, еслибы кто сталъ измѣрять пространство пудами, взвѣшивать тяжести аршиномъ? А это и дѣлается въ настоящее время, потому что для изслѣ-

¹ Мы пользуемся общепринятыми терминами, не претендуя на ихъ безупречную точность.

дованія внутренняго міра чловѣка, хотя и берутъ иногда факты, данныя внутреннымъ опытомъ, но прилагають къ нимъ мѣрку совершенно изъ чуждой и прямо противоположной области внѣшняго матеріальнаго міра.

Чтобы доказать существованіе внутренней самостоятельной духовной силы, или души, необходимо брать факты, добытые внутреннымъ опытомъ, и провести ихъ чрезъ строгую критику разума,—только тогда можно будетъ ясно видѣть, что служить источникомъ данныхъ явленій, свойства-ли матеріи, или особая самостоятельная сила, которую называютъ душой. Одно изъ самыхъ могучихъ проявленій духовной самостоятельности въ чловѣкѣ есть *творчество*, его-то и намѣрены мы разобрать, тѣмъ болѣе, что оно непосредственно относится къ нашей цѣли, то-есть, искусству.

Но какъ пластическое искусство по своему свойству и способу проявленія носитъ характеръ болѣе матеріальный, то мы обратимъ вниманіе на творчество въ музыкѣ, какъ въ искусствѣ менѣе осязательномъ.

Никто не въ силахъ указать на тѣ матеріальныя явленія, изъ которыхъ великіе композиторы почерпали свои дивныя мелодіи, изъ пѣнія-ли птицъ, шума-ли вѣтра или раскатовъ грома. Несомнѣнно, что въ основѣ построенія мелодіи находятся извѣстныя гаммы и математически точныя акустическія отношенія звуковъ; но въ свою очередь и открытіе этихъ законовъ есть несомнѣнное творчество, результатъ отвлеченной мысли и истиннаго вдохновенія.

Никакое самое глубокое изученіе этихъ законовъ композитора не создаетъ. Безконечно разнообразныя мелодіи основываются на внутреннемъ чувствѣ и выражаютъ такое настроеніе чловѣка, которое часто не только не имѣетъ данныхъ въ матеріальномъ мірѣ, но даже не можетъ быть формулировано разумомъ въ словѣ. Итакъ, нѣтъ никакой возможности доказать происхожденіе мелодіи путемъ матеріализма, какъ по воспроизведенію своему, такъ и по содержанію; она прямо показываетъ существованіе внутренней, духовной творящей силы. Еще яснѣй и опредѣленнѣй виденъ характеръ самостоятельной творческой силы въ процессѣ гармонизаціи музыкальнаго произведенія;—никто не можетъ отрицать несомнѣнности законовъ гармоніи, но гевій въ минуту вдохновенія моментально создаетъ сложныя и совершенно оригинальныя комбинаціи, въ которыхъ впоследствии находятъ

новые и совершенно точные законы, составляющіе достояніе музыкальной науки. Развѣ Себастьянъ Бахъ творилъ свои изумительно гармоничныя и сложныя по комбинаціи фуги по заранее написаннымъ законамъ? Нѣтъ, это было чистое вдохновеніе, и только теперь начинаютъ понимать законы его гармоніи и формулировать ихъ.

Въ свою очередь, по какому контрапункту поетъ нашъ народъ? А между тѣмъ у него есть своя и совершенно правильная гармонія, несмотря на вполнѣ своеобразную импровизацію.

Итакъ, эти законы не всегда бываютъ ясны и для самого композитора и еще менѣе доступны для его современниковъ, которые иногда не только не понимаютъ ихъ, но часто считаютъ безумнымъ. Въ нашъ вѣкъ былъ поразительный примѣръ такого непониманія. Еще многіе помнятъ, какъ относились музыканты къ послѣднимъ квартетамъ Бетховена, которые теперь служатъ предметомъ изученія.

Отсюда ясно, что въ душѣ человѣка существуетъ безконечный источникъ законовъ, неизвѣстныхъ ему самому, которые проявляются въ моментъ вдохновенія. Такой-то духовной силѣ Клодъ Бернаръ приписываетъ и открытіе научныхъ законовъ.

„Есть нѣчто“, говоритъ онъ, „въ таинственной глубинѣ духа, какая-то способность, энергія, мгновенно приходящая въ дѣйствіе и осуществляющаяся въ идеѣ“. Онъ также замѣчаетъ, что „духъ нашъ носитъ въ самомъ себѣ, въ скрытомъ состояніи и высшія тайны природы“. „Идея *a priori*“, которую Клодъ Бернаръ называетъ руководящею идеей опыта, „есть душа науки, тайна генія“. Это говоритъ ученый, заявившій себя многими трудами въ области науки и, конечно, имѣвшій случай на себѣ прослѣдить процессъ творчества. Итакъ, въ человѣкѣ существуетъ безконечный источникъ законовъ и даже тайна законовъ природы. Въ моментъ вдохновенія, то-есть, откровенія духа, эта сила способна создавать изумительныя комбинаціи. Оставаясь сама непознаваемою, она представляетъ высшую способность духа, поэтому крайне неосновательно нѣкоторые называютъ ее безсознательною. Не имѣя надлежащаго термина для обозначенія ея, мы называли эту силу творческимъ разумомъ въ отличіе отъ разума формального. Но творческимъ разумомъ еще не исчерпывается вся полнота и содержаніе нашего духа; чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ, обратимся опять къ великому композитору.

Откуда у Бетховена являлась эта энергія, которая вызывала

мощную силу его творчества? Быть может, она была результатомъ самыхъ обыкновенныхъ матеріальныхъ условий, сопровождающихъ наше существованіе,—просто выгодой; но писать квартеты, которые никто не могъ понять,—нельзя назвать удачною спекуляціей; равнымъ образомъ, создавая композиціи, превышающія понятіе общества, мудрено разсчитывать и на славу; но допустимъ, что стимуломъ его дѣятельности могло быть желаніе славы,—что же это за желаніе, и гдѣ лежитъ его источникъ? Всѣмъ извѣстно, что стремленіе къ славѣ выражается крайне разнообразно—одни ищутъ признанія отъ людей своихъ внѣшнихъ достоинствъ, другіе желаютъ прославиться богатствомъ, роскошною обстановкой, своимъ положеніемъ въ обществѣ, но есть и такіе, которые трудами своими стремятся вызвать въ людяхъ признаніе достоинства принциповъ, руководящихъ ими и проявляющихся въ ихъ дѣятельности.

Часто великіе люди, сознавая, что при жизни поняты быть не могутъ, изнемогаютъ отъ трудовъ, надѣясь, что дѣла ихъ рано или поздно принесутъ пользу ближнимъ. Такое желаніе посмертной славы, конечно, ничего общаго съ матеріальною жизнью не имѣетъ и не можетъ имѣть своимъ источникомъ матеріальныя причины; ясно, что происхожденіе этого чувства—чисто духовное. Удовлетвореніе его заключается въ сознаніи человѣка, что дѣла его способны принести пользу людямъ,—сдѣлать ихъ лучше и хотя сколько-нибудь счастливѣе; слѣдовательно, основа этого чувства есть любовь и удовлетвореніе совѣсти, что и видно изъ собственнаго письма Бетховена:

„Боже милосердый, Ты видишь мое сердце и знаешь, что оно исполнено любви къ своимъ братьямъ-людямъ. Послушайте всѣ вы, друзья и знакомые мои: если вамъ когда-нибудь понадобятся въ руки строки эти, то сознайтесь, что вы были несправедливы ко мнѣ, и что я купилъ вины свои предъ вами тѣмъ, что работалъ для вашего наслажденія, для улады вашего слуха, не смотря на всѣ препятствія, несмотря на несчастье, поразившее меня“.

Вотъ тотъ стимулъ, которымъ вызывается все великое въ человѣкѣ и составляетъ главную основу нашего духа,—его называютъ *благомъ, добромъ, любовью*, мы же затрудняемся найти соотвѣтствующее названіе этой божественной сторонѣ нашего духа; она есть источникъ всего великаго, жизненная сила, вызывающая энергію и инициативу; она есть совѣсть, провѣряющая